

Лит. Россия, 1980, 15 февр.

В. М. ГАРШИН (фотография 1884 г.).

ГАРШИН И ЧЕХОВ

В конце прошлого года («Литературная Россия», № 48) этюдом литературоведа Сергея Кошечкина «Отсюда... и ветреная Геба» — о связи творчества С. Есенина с поэзией Ф. Тютчева — была открыта наша новая рубрика «Над страницами классики», которая, судя по редакционной почте, привлекла внимание читателей.

Сегодня мы публикуем один из откликов, полученный из Донецкой области от учительницы литературы Е. В. Семенович. Тема ее выступления — общее и различное в двух рассказах А. Чехова и В. Гаршина. В нынешнем году исполнилось 120 лет со дня рождения А. П. Чехова и 125 лет со дня рождения В. М. Гаршина.

А. П. ЧЕХОВ (фотография 1901—1903 гг.).

ведь они все-таки люди, у них есть души. Надо их понять и тогда уж судить...» — думает Васильев. Он напряженно вглядывается в лица этих женщин, и в одно мгновение Васильеву показалось, что «тут живут люди, настоящие люди, которые, как везде, оскорбляются, страдают, плачут, просят помощи...».

В трагедии их повинно равнодушие окружающих; в этом перулке «извозчики сидели на козлах так же покойно и равнодушно, как и во всех переулках; по тротуарам шли такие же прохожие, как и на других улицах. Никто не торопился, никто не прятал в воротник своего лица, никто не покачивал укоризненно головой...».

И посетители переулков, и сам этот густо застроенный переулочек помогают Чехову показать во всей наготе страшное преступление, совершающееся над людьми в бездуховном обществе.

Над переулком кружится белый, чистый снег, контрастно подчеркивая грязь порока: «И как может снег падать в этот переулочек!» — думает Васильев. Его душа, чистая душа человека, столкнулась с мерзостью, как первый снег с грязью мостовой, по которой все шли и шли прохожие, по одному, а иногда толпами. Шли те, кто мирится с нравственным и социальным злом.

Всем им противопоставлен Васильев. Обладая «человеческим талантом», он принадлежит к тем людям, для кого надругательство над человеком, попрание достоинства в ком бы то ни было становится личной мукой и болью. Это приводит Васильева к тяжелому припадку и мыслям о самоубийстве. Однако после всех страданий, после отчаянного порыва спасти погибающих женщин Васильев успокаивается. Все осталось, как прежде.

Но прочитан приговор действительности, сказано о невозможности примирения с нею. Ко всем обращен призыв искать способы действия. Васильев — человек гаршинского склада. Но это герой чеховский. Писатель чувствует, что при всей привлекательности, обязательности, чуткости, при всем стремлении бороться за добро подобные люди болезненно слабы. Поиски ответа на вопрос «Что делать?» превращаются у них в недуг, в манию. А повести за собой и победить могут только сильные. Вот поэтому вместе с симпатией к своим героям проскальзывает у автора и грустная улыбка от сознания того, что не им изменить жизнь. А чеховское описание первого снега как бы наталкивает на мысль о том, какой прекрасной могла бы она быть.

Е. СЕМЕНОВА
гор. ОРЛОВО-ИВАНОВКА,
Донецкая обл.

действовали. Млодецкого казнили. Потрясенный этим, Гаршин переносит тяжелый психический приступ.

Он страстно мечтал об «устройстве всемирного счастья» и, когда прочитал первые рассказы Чехова, направленные против уродства жизни, сразу же признал их автора своим единомышленником.

Трагическая смерть В. Гаршина потрясла современников. Группа писателей решила почтить память товарища выпуском литературного сборника. С просьбой дать рассказ для него к Чехову обратились К. Баранцевич и А. Плещеев. Антон Павлович предложил «Беглеца», но оказалось, что нужен рассказ, который еще нигде не был напечатан. Чехов задумался. «Если поручитесь, что ни одно слово не будет вычеркнуто, то я напишу рассказ в два вечера; если же ручаться нельзя, то погодите недельку, я дам Вам мой окончательный ответ...» — отзывался он на повторную просьбу А. Плещеева. «Не дать рассказа — не хочется. Во-первых, таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписываться в симпатии к ним; во-вторых, Гаршин в последние дни своей жизни много занимался моей особой... в-третьих, отказаться от участия в сборнике — значит, поступить не по-товарищески, сиречь по-свински. Все это я чувствую до мозга костей, но представьте мое нелепое положение! У меня сколько-нибудь годных для сборника... Впрочем, есть у меня еще одна тема: молодой человек гаршинской закваски, недюжинный, честный и глубоко чуткий... Быть может, мне удастся написать его так, что он... выйдет хорош и сгодится для сборника...»

И Чехов пишет «Припадок» — пишет в гаршинском духе, но это чеховский рассказ. Писатель

не изменил себе: и типичные для Гаршина сюжет, и характер главного героя он раскрывает своими средствами.

Сравним рассказы Чехова — «Припадок» и Гаршина — «Происшествие». Оба они посвящены одной проблеме. Молодые люди, Никитин в «Происшествии» и Васильев в «Припадке», познакомившись с жизнью падших женщин, ищут пути их спасения. Не находя такой возможности, Никитин — герой Гаршина — кончает жизнь самоубийством, Васильев — герой Чехова — переносит тяжелый нервный припадок. Сюжеты похожи, и, более того, это одна из сквозных тем русской литературы XIX века — от гооголевского «Невского проспекта» до «Воскресения» Льва Толстого.

Но структура рассказов Гаршина и Чехова различна, идейное содержание также неодинаково.

Севолод Гаршин описывает сложную духовную драму своей героини, ее внутренний мир, преисполненный отчаянных нравственных поисков. Героиня Гаршина — личность исключительная.

В «Происшествии» нет подробных описаний, нет широкого изображения социального зла. Основное в нем — мучительные душевные переживания героя и героини, которые страдают, а оттого, что не могут найти выхода и способов борьбы, страдают еще больше. «В висках у меня стучит, в ушах звон, в голове все куда-то скачет и несется, и я сама несусь куда-то. Мне хочется остановиться, удержаться за что-нибудь, хоть за соломинку, но у меня нет и соломинки» — так думает Надежда Николаевна — героиня рассказа. Не менее драматичны поиски Никитина. Он искренне хочет спасти женщину, но бессилен что-либо сделать для нее. Сколько раз решал он бросить все эти мысли, забыть их, но стоило ему

выйти из дому, как ноги несли его в ту улицу. «Если бы дорога была утыкана острыми гвоздями, мне не было бы больнее», — говорит Никитин. Когда он понял, что ему не спасти Надежду Николаевну, не победить социальное зло, он покончил с собой. Нечто подобное произошло и с самим Гаршиным.

Совсем другая позиция у Чехова. Он сочувствует Васильеву, но своих мыслей, своего отношения к происходящему не подкашивает герою, не использует этот образ для того, чтобы решить вопрос по-своему. Да он и не стремится давать готовые ответы на вопросы «Сегодня» я кончил рассказ для «Гаршинского сборника» — словно гора с плеч. В этом рассказе я сказал свое... мнение о таких редких людях, как Гаршин... Говорю много... но ничего не решаю» — это из письма Чехова к Суворину от 11 ноября 1888 года.

И не только в данном рассказе Чехов ставит вопросы, а решать их предоставляет читателям. Такова вообще позиция писателя, и он ее отстаивает. «Требую от художника сознательного отношения к работе. Вы правы, — пишет он Суворину 27 октября 1888 года, — но Вы смешиваете два понятия: решение вопроса и правильная постановка вопроса. Только второе обязательно для художника... Суд обязан ставить правильно вопросы, а решают пусть присяжные, каждый на свой вкус».

Переживания и страданий женщины в рассказе Чехова нет. Но есть удивительно впечатляющее изображение бытовых картин, обрисовка социального зла, которое убивает в людях все светлое. Чехов описывает не одну женщину, а многих, но все они похожи друг на друга, они — не личности, не страдающие героини, большинство из них свеклись с такой жизнью, их вроде бы и не гнетет совесть, они не пытаются искать выхода. «...Но

«О ГРОМНОЕ Вы делаете дело Вашими маленькими рассказами — возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни — черт бы ее побрал!» — признавался М. Горький в одном из писем А. Чехову.

В то время некоторые современники А. Чехова не понимали писателя, говорили об обыденности, общности его рассказов. Одним из первых, кто оценил талант А. Чехова, был В. Гаршин, который искренне защищал его, называя новым первоклассным писателем. Гаршин «со слезами в своем симпатичном голосе отстаивал красоты Чехова, говорил, что таких перлов языка, жизни, непосредственности еще не было в русской литературе. Надо было видеть, как он восхищался техникой, красотой и особенно поэзией этого восходящего тогда нового светила русской литературы. Как он смаковал и перечитывал все чеховские коротенькие рассказы!» — вспоминал Репин. Случайно ли это восхищение одного писателя другим? Отнюдь нет: причина — в их духовной близости «Из писателей последнего времени, — сообщает Антон Павлович А. С. Суворину, — для меня имеют цену только Гаршин, Короленко, Щеглов... Все это очень хорошие и не узкие люди». Он любил Гаршина и людей его склада за чуткость к страданиям людей. Эту черту писатель назвал по-своему, по-чеховски — «особый талант — человеческий». Гаршин обладал способностью откликаться на чужую боль болью своей души.

В феврале 1880 года И. Млодецкий совершил покушение на графа Лорис-Меликова. Узнав, что революционер схвачен и приговорен к смерти, Гаршин пишет графу письмо, затем является к нему лично и просит за Млодецкого. Просьбы не по-